Шабасова, М. А. Транзитология как научный подход и идеология / М. А. Шабасова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 195–202.

М. А. ШАБАСОВА

ТРАНЗИТОЛОГИЯ КАК НАУЧНЫЙ ПОДХОД И ИДЕОЛОГИЯ

Первое десятилетие посткоммунистических исследований поставило ученых, занимающихся регионом, перед необходимостью ответить на вопросы, связанные с их научной деятельностью. Во-первых, научные круги и общественность были озабочены адекватностью понимания проходивших на посткоммунистическом пространстве процессов, поскольку парадигмы развития государств Восточной и Центральной Европы и постсоветских республик оказались достаточно сложными и часто непредсказуемыми. А, во-вторых, пересмотру подверглись подходы и методы, широко используемые в западных общественных дисциплинах при изучении трансформации и «транзита». В частности, критическому анализу была подвержена транзитология, особое теоретическое направление, объясняющее «переход» от авторитаризма к демократии.

В конце 1990-х гг. едва ли не каждая вторая статья, посвященная концептуальным основам посткоммунистических исследований или изменениям в российском политическом режиме, начиналась абзацем, обвинявшим транзитологов в их упрощенном представлении о пост-

коммунистической трансформации, универсализме и безусловной вере в победу демократии и капитализма. При ближайшем рассмотрении такая критика кажется не совсем обоснованной. Говоря о посткоммунистических исследованиях 1990-х гг., многие выделяют транзитологию как доминирующий научный подход при изучении региона, однако следует различать транзитологию как строго научный подход со своим набором методов и как мировоззренческий базис социальных дисциплин, оказывающий влияние на авторов, работающих в разных направлениях. Как писал Дж. Ганс-Морс, «некоторые критики однозначно рассматривают транзитологию как литературу, появившуюся вследствие исследования демократизирующихся режимов в Южной Европе и Латинской Америке... Другие же исследователи полагают, что транзитология... представляет собой не специфическую литературу, а скорее подход к изучению политических, экономических и социальных изменений, которые концептуализируют данные процессы как «переход» с заранее известными результатами» [6, с. 322].

Чтобы разобраться в хитросплетениях политических исследований 1990-х. гг., сделаем краткий экскурс в историю общественных наук второй половины XX в. После Второй мировой войны среди западных обществоведов особой популярностью пользовалась теория модернизации, адепты которой настаивали на первоочередной важности социально-экономических или структурных факторов для демократизации политического режима. Например, согласно У. Ростоу, для установления действенного демократического режима было важно соблюсти шесть правил, которые включали в себя мобилизацию всех талантов и ресурсов для модернизации страны; осуществление модернизации в соответствии с культурой и традициями страны и превращение ее в национальную идеологию; обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста и концентрацию на общественных целях; достижение компромисса при осуществлении политики; повышение участия населения в решении проблем страны; разумную внешнюю политику [2, с. 149—150]. В 1960-е гг. теория модернизации стала критиковаться за свой пессимизм, поскольку одновременное сочетание предполагаемых благоприятных условий было едва ли достижимо для большинства стран. Как научное направление транзитология стала своего рода противовесом макроструктурному подходу, так как ее теоретики сместили акценты с проблем развития общества и экономики на роль человеческого фактора, считая политических акторов главной движущей силой политического процесса. В 1970 г. была опубликована ста-

тья Д. Рустоу «“Переходы” к демократии», ставшая источником идей для транзитологов следующего поколения. В ней, в частности, утверждалось, что демократия является результатом политической борьбы элиты, завершившейся «решением части политических лидеров принять существование многообразия в единстве и институализировать некоторые поворотные моменты в демократической процедуре» [10, с. 357]. Единственным условием, необходимым для установления демократии, считалась неоспоримость государственных границ, что сохранило актуальность и на сегодняшний день, так как конфликты и применение силы при их разрешении являются несовместимыми с демократическими принципами. Свое дальнейшее развитие актоцентричный подход получил в середине 1980-х гг., когда Г. О’Доннелл и Ф.

Шмиттер издали известный труд «Транзиты от авторитарного правления: предварительные выводы о неопределенных демократиях» [8], ставший классикой транзитологии. Кроме особого внимания к роли элит, в работе описывался процесс успешного установления демократии как заключения пакта между центристами старого режима и умеренным крылом демократической оппозиции, что позволяло избежать напряжения в обществе и избавляло государство от революционных потрясений. Эмпирической «вотчиной» транзитологов были государства Южной Европы и Латинской Америке, где, начиная с португальской революции 1974 г., наблюдались падения диктатур и мирные «переходы» к демократической форме правления.

После краха коммунистической системы и распада Советского Союза транзитологи, как и другие обществоведы, занимавшиеся ранее разными частями света, получили доступ к исследованию посткоммунистического региона, находившегося ранее в исключительном ведении советологов. Теории и методы, выработанные при изучении стран, находящихся за тысячи километров от Восточной Европы, стали активно применяться к анализу процессов, проходивших на посткоммунистическом пространстве, которому отныне было отказано в праве на уникальность и особый путь развития. По мнению многих специалистов, это привело к профанации исследований государств Центральной и Восточной Европы, искаженному пониманию посткоммунистических изменений и вогнанию многообразной действительности в жесткие рамки уже имеющихся теорий. Однако, вопреки общей критике, возникает вопрос, являлась ли транзитология как научный подход главным теоретическим монополистом в области российских и восточнославянских исследований в 1990-е гг. Дж. Ганс-Морс провел анализ ста-

тей, посвященных трансформации политического режима и напечатанных как в журналах российских и восточнославянских исследований, так и в журналах компаративных исследований. Его выводы, основанные на доскональном знании материала, изданного в 1991—2003 гг., идут вразрез с общепризнанной точкой зрения. Из 131 статьи, относящейся к режимным изменениям, тарнзитологические методы обсуждаются в 66, что составляет 50 % от общего объема изучаемых работ, и «значительное число ученых, которые явно обсуждают транзитологию, вовсе не собираются применять ее на практике, но скорее дают понять, что они находят транзитологический подход неприменимым или недостаточным для анализа основных проблем посткоммунизма» [6, с. 328]. При ближайшем расмотрении только 7 статей напрямую используют или защищают транзитологический подход в посткоммунистических исследованиях или сравнивают посткоммунистичекие страны с Южной Европой, Латинской Америкой или другими демократиями «третьей волны» без существенных изменений в первоначальных положениях транзитологии [6, с. 330], хотя и здесь можно сделать некоторые оговорки. Например, Р. Бова, чья статья «Политическая динамика посткоммунистического “перехода”: сравнительная перспектива» считается ярчайшим примером использования методов транзитологии, призывает сочитать достижения процедурного и структурного подходов, последний из которых предполагает внимание к экономическому развитию, характеру национальной политической культуры, степени национальной интеграции и особенностям классовой структуры страны [4, с. 126—127]. Кроме этого, он признает разнообразие процессов демократизации и необходимость внимательно относиться к общему и различному в ходе режимной трансформации на посткоммунистическом пространстве и за его пределами [4, с. 117].

Имея такие статистические данные, можно было бы удивиться популярности транзитологии, проявлявшейся, правда, по большей части в ее критике. Объяснение этому следует искать в том, что в 1990-е гг. в понятие «транзитология» стали вкладывать разное содержание. Название дисциплины связывалось с теорией и политикой демократизации, с компаративными исследованиями, и, в конце концов, транзитология стала олицетворением веры в триумфальную победу политических и культурных ценностей западной цивилизации. И здесь речь идет уже не о научной парадигме с четко обозначенными подходами и методами, а о мировоззрении и идеологии, основные положения которых принимаются по умолчанию.

Философский фундамент транзитологии опять-таки связан с теорией модернизации, но между ними наблюдается, как то ни парадоксально, совсем другая связь. Российский исследователь Б. Г. Капустин говорит о парадигмах теории модернизации, под которыми он подразумевает «дотеоретическую конструкцию», задающую скорее стиль, чем содержание мысли [1, с. 8]. К элементам парадигмы теории модернизации он относит представление об истории как о движении вперед, к лучшему миру; признание единой рациональности как того, что способствует этому продвижению вперед; понимание культурной однородности как нормы и разрешение плюрализма только в незначимых сферах, никоим образом не угрожающих демократии и институту частной собственности; имморализм, поскольку преставление о единственно возможной рациональности освобождает от этического выбора [1, с. 9—10]. Отказываясь обсуждать последний пункт данного перечня в силу субъективности оценки этичного, мы не можем не отметить справедливость первых трех замечаний, поскольку вера в прогрессивное развитие и инвариантность успешного результата являются характеристиками как теории модернизации, так и

транзитологии, унаследовавшей мировоззренческий базис своей предшественницы. Свое реальное воплощение этот философский базис получил в риторике «перехода», под которым подразумевался «переход» от авторитаризма к демократии и рыночной экономике, и оценке так называемых «переходных» режимов относительно демократических стандартов.

Несмотря на тесную взаимосвязь, проблемы «транзита» и политического режима заслуживают того, чтобы рассмотреть их по отдельности. В 1990-е гг. большое влияние на исследователей оказала идея «третьей волны» демократизации, принадлежащая С. Хантингтону [3]. Согласно ему крах советской системы являлся частью мирового процесса демократизации, начавшегося с португальской революции гвоздик в 1974 г. и распространившегося затем на страны Латинской Америки. Тенденция ставить страны бывшего социалистического лагеря в один ряд с известными случаями демократизации политических режимов неоднократно оспаривалась многими учеными. В частности, отмечалось, что было бы неправильно ограничивать посткоммунистический «транзит» только демократизацией, так как государства Центральной и Восточной Европы и азиатские бывшие советские республики стоят перед необходимостью «двойного перехода» и преобразований как в политической, так и в экономической сферах. Ф. Родер писал даже о «тройном транзите», акцентируя внимание на национальной трансформации,

под которой понималось складывание национальных государств. На его взгляд, многонациональное государство является проблемным для установления демократии, поскольку мирное сосуществование разных этнических групп сложно достижимо и едва ли регулируемо демократическими методами [9]. М. Макфол предложил классифицировать посткоммунистические переходы как «четвертую волну» режимных изменений, отмечая, что трансформация в регионе шла как в сторону демократизации, так и установления диктатуры и имела другие механизмы. Если для стран «третьей волны» оптимальной формой демократического транзита считался пакт между элитами, то на посткомунистическом пространстве наибольший успех имели «транзиты», совершенные путем революции [7].

Критике стало подвергаться само понятие «переход». Обычно пост-коммунистические государства было принято разделять на консолидированные демократии, консолидированные автократии и гибридные режимы, носящие одновременно признаки демократии и автократии и включенные в так называемую «серую зону». Гибридные режимы (по отношению к ним также использовалось множество названий типа «делегативная демократия», «иллиберальная демократия» и т. д.) обычно трактовались как «переходные», находящиеся в состоянии трансформации. Однако по истечении десяти лет со времени развала советской системы у ученых стали появляться сомнения по поводу адекватности такого понимания. Было очевидно, что государства «серой зоны» никуда не «переходят», не претерпевают существенных изменений, а являются достаточно стабильными политическими образованиями, к которым слабо применима терминология, разработанная ранее политической наукой. К концу 1990-х. гг., когда «переход» перестал восприниматься как неизбежность, была признана идеологическая окраска видения посткоммунистических государств как будущих демократий с либеральным капитализмом. Транзитология, или вернее ее парадигма восприятия истории как прогресса, понимаемая с точки зрения западных ценностей, была обвинена в предвидении хода и результатов исторического процесса, отождествляемого в данном случае с вестернизацией.

Проблема определения политического режима представляет собой второй аспект посткоммунистических исследований, подверженный влиянию идеологической составляющей транзитологии. В связи с резким увеличением количества стран, которые, как полагалось, движутся по направлению к демократизации своих государств и обществ, уче-

ные были вынуждены сделать доработки в теории демократии. Поскольку оказалось, что описание классических демократий Западной Европы и Северной Америки является отнюдь не исчерпывающим для понимания данного политического феномена, а новоиспеченные демократические режимы имеют свои отличительные черты, то появились так называемые «демократии с прилагательными», призванные дифференцировать различные демократические режимы. Д. Коллиер и С. Левицки насчитывают около 550 подтипов современных демократий [5, с. 430]. Проблема заключается в том, что демократия была признана эталоном политического устройства, в то время как политический режим страны может являться особым типом, требующим самостоятельного определения и самостоятельных критериев оценки.

Многозначность понятия «транзитология» ставит современного исследователя перед задачей разобраться в том, идет ли речь о научной теории, выработанной в 1970—1980-е гг. для Южной Европы и Латинской Америки, или же о транзитологии как определения для идеологической и мировоззренческой компоненты различных теорий демократизации и демократии. Транзитология как теория среднего уровня, появившаяся в определенном историческом контексте, имеет право на существование, как и любая другая теория, а умеренное использование ее актоцентричного подхода бывает весьма уместным при изучении тех стран, которые не были изначальным объектом исследования транзитологов. Вера же в превосходство ценностей

западной цивилизации, проявляющаяся в работах зарубежных авторов, должна быть осознана самими учеными, чтобы признание вариативности развития стало реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капустин, Б. Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) / Б. Г. Капустин // Полис. 2001. № 4. С. 6—26.

2. *Ростоу, У. У.* Политика и подъем роста / У. У. Ростоу. М.: Прогресс, 1973.

3. *Хантингтон, С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.

4. *Bova, R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective / R. Bova // World Politics. 1991. Vol. 44. P. 113—138.

5. *Collier, D.* Democracy With Adjectives. Conceptual Innovations in Comparative Perspective / D. Collier, S. Levitsky // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430—451.

6. *Gans-Morse, J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theoroes of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm / J. Gans-Morse // Post-Soviet Affairs. 2004. Vol. 20. № 4. P. 320—349.

7. *McFaul, M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World / M. McFaul // World Politics. 2002. Vol. 54. P. 212—244.

8. *O'Donell, G.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donell, P. Schmitter. Baltimore, Md: Johns Hopkins University Press, 1986.

9. *Roeder, P.* People and States after 1989: The Political Costs of Incomplete National Revolutions / P. Roeder // Slavic Review. 1999. Vol. 58. № 4. P. 854—882.

10. *Rustow, D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model / D. Rustow // Comparative Politics. 1970. № 3. P. 337—363.